

літератури з вказівками назв і номерів журналів за декілька десятиліть. За керування та допомогу при захисті їй дякують десятки бакалаврів, спеціалістів та магістрів кафедри слов'янської філології, а також аспірантки кафедри, які під науковим керівництвом А.Й.Багмут успішно захистили кандидатські дисертації – Алла Комаровська та Оксана Невмивака.

На завершення нашої публікації, в якому ми намагалися дуже стисло описати викладацьку діяльність А.Й.Багмут на кафедрі слов'янської філології, маємо зауважити, що в особі Алли Йосипівни ми могли спостерігати нечастий, можливо, навіть рідкісний випадок поєднання талановитого вченого лінгвіста та успішного педагога, викладача, що був готовий поділитися своїми багатогранними науковими здобутками зі студентами і знаходив необхідні слова, щоб пояснити, зацікавити і підштовхнути кожного студента, магістра, аспіранта до самостійного наукового дослідження.

ЛІТЕРАТУРА:

1. Анишин Ф. Д., Алпатов В. М. “Дело славистов”. – М., 1994; 2. Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды: Библиогр. словарь. – Т. 3. – Мн., 1978; 3. Горяинов А. Н. Славяноведы – жертвы репрессий 20–40-х годов // Советское славяноведение. – 1990. – № 2; 4. Енциклопедія українознавства. Т. 7. – Львів, 1990; 5. Українська мова. Енциклопедія. – К., 2000. – С. 41; 6. Яровий В., Паламарчук О., Чмир О. Українська університетська славістика в контексті національної історії: від початків до середини XX ст. // Слов'янські обрії. – К., 2008. – С. 869-892; 7. Slovník slovanské lingvistické terminologie: V 2 dílech. – Praha: Academia, 1977-1979; 8. Ukrajinsko-český slovník: V 2 dílech. – Praha: Academia, 1994-1996.

Рудая С.М. (Мінськ, Білорусія)

Отадъективные существительные в белорусском и словацком языках

У статті розглядається утворення субстантиватів у білоруській і словацькій мовах: виявляються й зіставляються основні словотворчі моделі, аналізується словотворче значення.

Ключові слова: словотвір, субстантивація, конверсія, субстантиват (субстантивований прикметник), словотворче значення.

В статье рассматривается образование субстантиватов в белорусском и словацком языках: выявляются и сопоставляются основные словообразовательные модели, анализируется словообразовательное значение.

Ключевые слова: словообразование, субстантивация, конверсия, субстантиват (субстантивированное прилагательное), словообразовательное значение.

The article deals with substantivized adjectives in the Belarusian and Slovak languages. The main word-formation models are compared; the word-formation meaning is analyzed.

Key words: word-formation, substantivization, conversion, substantivized adjectives, word-formation meaning.

Существуют различные способы образования существительных от прилагательных. И в белорусском, и в словацком языках основными из них являются аффиксация (в том числе и нулевая) и субстантивация, которая и послужила объектом исследования. Перед тем как перейти к собственно проблеме, хотелось бы остановиться на некоторых общих теоретических вопросах относительно данного способа словообразования.

Субстантивация прилагательных и причастий в белорусском и словацком языках (как впрочем, и в других синтетических языках (подробнее см. [6]) является спорным моментом. Субстантивированные прилагательные в этих языках имеют адъективный тип склонения и обладают усеченной парадигмой прилагательного. Именно усеченная парадигма прилагательного некоторыми исследователями [4] принимается как доказательство того факта, что субстантивацию прилагательных следуют считать разновидностью транспозиции. Другие [5; 3; 9] хотя и относят субстантивацию к сфере ведения словообразования, тем не менее, ограничивают ее от нулевой аффиксации именно потому, что в качестве словообразовательного средства используются флексии прилагательного (парадигмы одного грамматического рода или только множественного числа).

Относить субстантивацию прилагательных и причастий к сфере ведения транспозиции нельзя. Несмотря на то, что формальный принцип отнесения соблюден, О.М.Ким не учитывает, на наш взгляд, еще один, более важный, критерий: при субстантивации прилагательных и причастий меняется не только категориальное, но и референтное значение, а это уже противоречит самому определению транспозиции.

Не стоит, как нам кажется, разводить нулевую аффиксацию (безаффиксный способ словообразования) и субстантивацию прилагательных, считая их явлениями разного порядка. Не останавливаясь подробно на вопросе целесообразности использования понятия нулевого аффикса, отметим, что следует учитывать тот факт, что аффиксы, в том числе и флексии, могут одновременно являться как словообразующими, так и формообразующими. Это положение перекликается с постулатом А.И.Смирницкого о том, что словообразовательным средством при конверсии «служит только сама парадигма слова» [7, 24], а следовательно, мы можем отнести и субстантивацию, и нулевую аффиксацию к сфере ведения конверсии. Термин «конверсия», хотя и мало распространен при описании систем словообразования славянских языков, представляется нам данным случае удачным (подробнее см. [6]). Единственное, что хотелось бы добавить: смена системы флексий при словообразовании по конверсии является не словообразовательным средством, а скорее индикатором произошедших словообразовательных перемен, а точнее концептуальной перекатегоризации. Новое категориальное значение, как правило, влечет за собой появление новых грамматических категорий, причем, что немаловажно, различных для разных языков, а новые грамматические категории, в свою очередь, получают выражение в новой парадигме, которую приобретает производное слово.

Несомненно, что изначально в основе субстантивации лежали эллиптические образования, однако на сегодняшний день, например, в

белорусском языке существуют определенные модели субстантивации, которые не могут быть сведены к эллипсу, например отадективные существительные женского рода со значением помещения типа *бі́льярдная, гардэробная, пельменная* и т.д. В этом случае смена категориального значения влечет за собой смену грамматических значений, а точнее, изменяемая категория рода прилагательных становится постоянной, что и находит свое отражение в усечении парадигмы прилагательного, т.е. индикатором производности существительного является новая парадигма, пусть и являющаяся частью парадигмы прилагательного. Кроме того, в белорусском языке существуют и непроизводные существительные, принадлежащие к адективному типу склонения. Таким образом, мы не видим объективных причин разграничивать субстантивацию прилагательных и безаффиксную деривацию в белорусском языке. То же самое справедливо и по отношению к словацкому языку.

Существительные, образованные от прилагательных путем конверсии в белорусском и словацком языках, могут быть условно разделены на две группы. К первой группе относятся производные, которые в традиционной отечественной терминологии носят название субстантиватов* (субстантивированных прилагательных), а ко второй – нулевых дериватов. Объектом нашего исследования послужила первая группа.

Основной целью исследования было описать основные словообразовательные модели, характерные для производных-субстантиватов в белорусском и словацком языках, а также выявить отличия в наборе словообразовательных значений (СЗ).

Субстантиваты в белорусском языке могут относиться к любому из трех родов, все имеют адективный тип склонения. В зависимости от СЗ их можно разделить на девять групп. Рассмотрим подробнее производные каждой из групп*.

1. Производные мужского рода со значением лица. Например, *беражоны, ваенны, дарослы, звыштэрміновы, камандзіровачны, мертвы, нованароджаны, новенькі, падсобны, пісьменны, рассыльны, сляпы, участковы, цвярозы, штабны* и т.д.

При рассмотрении производных данного типа со значением лица женского пола (*дарослая, нованароджаная, сляпая* и т.д.) возникает вопрос: следует ли считать такие образования мотивированными соответствующими прилагательными или же коррелирующими субстантиватами мужского рода? Как замечает В.В.Лопатин в своей статье, посвященной субстантивации в русском языке, «слова этого типа (субстантиваты мужского рода со значением лица – С.Р.) обычно являются обобщенным обозначением лица независимо от пола и лишь при оппозиции соответствующим личным существительным женского рода получают значение лица мужского пола» [5, 217], и далее, «в системе именного словообразования существительные типа *больная, рабочая*

* Мы используем этот термин, введенный В.В.Лопатиным для обозначения субстантивированных прилагательных [5], для краткости.

Приведенное здесь и далее деление производных на группы в зависимости от СЗ заимствовано с некоторыми коррективами из Белорусской грамматики [1] и у П.В.Стецко [8].

уже не могут интерпретироваться как субстантиваты, поскольку они непосредственно мотивированы существительными типа *больной, рабочий*, а не соответствующими прилагательными, с которыми они связаны опосредованно, через промежуточное звено – субстантивированные прилагательные мужского рода со значением лица» [5, 220].

То же самое, на наш взгляд справедливо и для белорусского языка, что подтверждается и в исследовании В.Л.Вороновича, который приходит к выводу, что «образование наименований лиц женского пола именно от коррелирующими наименований лиц мужского пола в белорусском языке является правилом» [2, 67]. Этот постулат сопровождается весьма значимым, с нашей точки зрения, замечанием: «...если личное существительное мужского рода принципиально не сориентировано на наименование именно лица мужского пола, то его женский коррелят следует считать образованным от этого существительного. Если же мужское существительное принципиально «завязано» на мужской семантике, то это значит, что маскулинатив и его коррелят-фемининатив являются параллельными образованиями» [2, 68]. Отличие между двумя положениями можно проиллюстрировать схемами 1 и 2 (схемы приведены из [6, 68]).

Схема 1

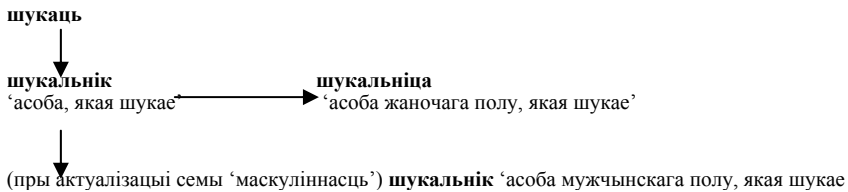
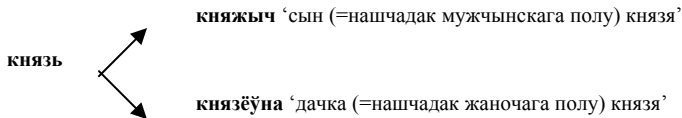

Схема 2

Очевидно, что при рассмотрении субстантивированных прилагательных мы имеем дело со случаями, подобными отображенному на схеме 1. Нельзя, однако, не сказать, что образование существительных с обозначением лица женского пола непосредственно от прилагательных все же возможно. Это происходит в том случае, если обладание подобной характеристикой присуще только женщине, например, *цяжарная*.

2. Производные женского рода, которые называют помещение согласно его назначению. Например, *бильярдная, кацельная, мадэльная, нарадная, пераплетная, прамыўная, раздаточная, табельная, шынельная* и т.д.

3. Еще одна небольшая группа субстантиватов женского рода имеет общее значение 'официальная бумага, документ': *вольная, пахавальная, радаслоўная*.

4. Достаточно многочисленную группу составляют субстантивированные прилагательные среднего рода, называющие единицы классификации растительного и животного мира (семейства, отряды и т.д.), например, *беспазваночнае, букавае, вербенавае, грэчкавае, какаінавае, наядовае, непарнакапытнае, партулакавае, півоневае, сагавае, траскападобнае, тутовае* и т.д.

5. Субстантивы среднего рода со значением обобщенной субстанции, характеризующиеся наличием признака, обозначенного основной мотивирующего прилагательного: *адваротнае, важнае, знаёмае, існае, наноснае, недазволенае, прыемнае, сучаснае, трагічнае* и т.д. – составляют следующую группу. Образование субстантиватов этого типа структурно и семантически не ограничено. Высокая продуктивность данного типа в белорусском, как, впрочем, и в русском языке, объясняется отсутствием синонимичных продуктивных типов среди других способов словообразования существительных.

6. Следующую группу из рассмотренных нами субстантивированных прилагательных составляют дериваты среднего рода с общим значением вида одежды: *белае, чырвонае, чорнае, чыстае, старое, летняе, ваеннае* и т.д.

7. Отдельную группу составляют дериваты среднего рода, обозначающие блюда, кушанья и напитки, лекарства: *малочнае, мяснае, рвотнае, скаромнае, спіртное, халоднае, хмельнае* и т.д.

8. В результате субстантивации могут быть также образованы существительные *pluralia tantum* со значением видов денег и платежей: *звышурочныя, камандзіровачныя, пад'ёмныя, чыстыя*.

9. Вышеприведенным восемью типам субстантивов, структурно организуемым принадлежностью к определенной парадигме и образующим определенные семантические группы, противопоставлен еще один – так называемый эллиптический, который строится на принципиально ином правиле выбора парадигмы. При эллиптической субстантивации каждому производному обязательно соответствует определенное синонимическое сочетание. Субстантиват получает ту парадигму, которая соответствует роду, к которому принадлежит опускаемое в словосочетании существительное. Например, *застольная, страявая* (песня), *мабільны* (телефон), *пасяўная* (кампанія), *падкідны* (дурань), *пазыўныя* (сигналы), *перадавая* (лінія фронту), *санорны* (гук), *сякучая* (лінія) и т.д.

Как известно, именно эллиптическая деривация служит основой для выделения особых типов субстантивации: если какая-то группа субстантивов, объединяемая общностью эллиптируемого существительного в синонимичных им словосочетаниях, начинает употребляться преимущественно без этого существительного, которое отступает на задний план и не всегда четко осознается, то такая группа может выделиться в особый тип с выбором парадигмы, не зависящим от рода эллиптируемого существительного.

Рассмотрим производные-субстантиваты словацкого языка, которые можно разделить на следующие группы.

1. Производные мужского рода со значением лица. Например, *hlavný*,

domáci, chorý, slepý, zainteresovaný, budúci, triedný, vedúci, civilný, duchovný, dozorný, dotýčný, hluchonemý, blízky и т.д. Так же как и в белорусском языке, к этой группе примыкают производные женского рода, образованные от субстантивов мужского рода (*hlavná, domáca, chorá* и т.д.). Хотя здесь есть свои исключения, например, слова *komorná* (ср. *komorník*), *chyžná* обозначают профессии, традиционно выполняемые женщинами, поэтому образованы непосредственно от соответствующих прилагательных. Особняком стоят и производные женского рода со значением лица типа *ženská, detská*.

2. Субстантивы среднего рода со значением обобщенной субстанции, характеризующиеся наличием признака, обозначенного основой мотивирующего прилагательного не характерны для словацкого языка, хотя иногда встречаются, чаще всего в устойчивых выражениях: *rozlišovať dobré a zlé*. Рассматриваемое СЗ широко реализуется аффиксальными дериватами.

3. Для словацкого языка характерно большое количество дериватов, обозначающих блюда, кушанья и напитки. В отличие от белорусского языка производные этого типа могут относиться не только к среднему, но и к женскому роду. Существительные среднего рода обозначают, как правило, напитки (*čierne, plznenské* (пиво), *horké* (может быть и вариант женского рода *horká*), кушанья из мяса (*bravčové, hovädzie, kuracie*). Названия супов представлены существительными женского рода: *fazuľová, sviečková, desiatiová* (polievka).

4. В результате субстантивации могут быть также образованы существительные pluralia tantum со значением видов денег и платежей: *drobné, vstupné, predplatné, dopravné, hotové, hovorné* и т.д. Эта группа многочисленнее чем соответствующая группа белорусского языка и имеет несколько иную семантику. Если в белорусском языке производные обозначают деньги, которые человек получает, то в словацком скорее те, которые он платит.

5. Как и в белорусском языке, последнюю группу составляют эллиптические субстантиваты. Например, *konečná* (zastávka), *tanečná* (škola), *záverečná* (hodina), *dobrý, výborný* (stupeň), *celá* (časť) и т.д.

Как видно из вышеприведенного анализа, количество словообразовательных моделей в белорусском языке больше. В словацком языке отдается предпочтение аффиксальной деривации (ср., например, бел. *цытрусавыя, бабовыя, партулакавыя* и слов. *citrusovité, bobovité, riečňakovité*). Кроме того, даже если СЗ в обоих языках совпадает, словообразовательные модели могут различаться (ср., например, названия блюд, кушаний, напитков). В каждом из языков от эллиптических производных со временем могут обособливаться отдельные группы, объединенные общностью эллиптируемого элемента, которые со временем приводят к появлению отдельной модели. Образование новых номинативных единиц по этой модели в дальнейшем возможно уже по аналогии. Примером в белорусском языке могут служить производные со значением помещения: *кацельная, мадэльная, шынельная*, – в словацком – денег: *vstupné, predplatné, dopravné*.

В основе большинства субстантивированных прилагательных лежат ассоциативные связи не по смежности, а по подобию. Как отмечает А.Бланк, «подобие – явление градуальное, варьирующееся от периферийного подобия до очень сильного сходства» [10, 14]. Высшая степень подобия – концептуальная

идентичность, которая, по мнению А.Бланка, лежит в основе производных со значением обобщенной субстанции, характеризующейся признаком (примеры см. выше) [10, 14]. Исключение составляют эллиптические производные, которые основаны на ассоциативных связях по смежности, однако эта смежность не концептуальная, а синтагматическая (подробнее см. [10, 15]).

Подводя итоги, следует отметить, что приведенная для словацкого языка классификация, не полная и требует дальнейшего уточнения. Поскольку данные анализировались на основе словарей, которые не всегда релевантно отражают особенности словообразования того или иного языка, она требует дальнейшего уточнения и разработки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беларуская граматыка: у 2 ч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985. – Ч. 1: Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск. – 431 с.;
2. Варановіч, В.Л. Словаўтварэнне назойнікаў у беларускай мове / В.Л. Варановіч. – Гродна: ГрДзУ, 2005. – 135 с.;
3. Земская, Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие для студентов пед. институтов по специальности “Русский язык и литература” / Е.А. Земская. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.;
4. Ким, О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке / О.М. Ким. – Ташкент: Фан, 1978. – 228 с.;
5. Лопатин, В.В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке / В.В. Лопатин // Русский язык. Грамматические исследования. М.: «Наука», 1967. – С. 205-233;
6. Рудая, С.Н. Конверсия в языках разных типов: ономазиологический аспект: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С.Н. Рудая. – Минск, 2006. – 181 л.;
7. Смирницкий, А.И. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке / А.И. Смирницкий // Иностранные языки в школе. – 1953. – № 5. – С. 21-31;
8. Сцяцко, П.У. Беларускае народнае словаўтварэнне. – Мінск: Навука і тэхніка, 1977. – 320 с.;
9. Тихонов, А.Н. Основные понятия русского словообразования / А.Н. Тихонов // Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / А.Н. Тихонов. – Т. 1. – М.: Русский язык, 1985. – С. 18-40;
10. Blank, A. Words and Concepts in Time: towards Diachronic Cognitive Onomasiology / A. Blank [Electronic resource] // Metaphorik.de. – 2001. – № 1. – Mode of access: www.metaphorik.de. – Date of access: 10.12.2003.

Руденка А.М., Валатовска Н.А. (Мінськ, Білорусія)

Дыялектныя назвы хлеба ў беларускай і ўкраінскай мовах

У статті “Діалектні назви хліба в білоруській і українській мовах” розглядаються системні відношення у групі діалектних назв хліба: синонімічні, омонімічні, полісемантичні, гіперо-гіпонімічні, гетеронімічні; визначаються типові способи мотивації назв.

Ключові слова: семантика, діалектизм, системні відношення в лексичі, метафора, метонімія.

В статье «Диалектные названия хлеба в белорусском и украинском языках» рассматриваются системные отношения в группе диалектных названий хлеба: синонимические, омонимические, полисемантические, гиперо-гипонимические, гетеронимические; определяются типичные способы мотивации наименований.

Ключевые слова: семантика, диалектизм, системные отношения в лексике, метафора, метонимия.